

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Статья посвящена проблеме определения понятия «социально-исторический субъект». Автор указывает на ряд трудностей, которые возникают при рассмотрении данной темы. Историко-философский обзор позволяет автору рассмотреть следующие аспекты проблемы. Первый из них обусловлен мировоззренческой установкой христианства, которая предполагает процессуально-хронологический характер понимания человеческого бытия, что влечет за собой тематизацию проблемы субъекта. Вторым аспектом является собственно научное осмысление действительности, рационализирующее представление о мире. Третий элемент в этой модели обозначается как собственно гуманитарно-методологический. В отдельную рубрику выделены сугубо феноменальные формы осуществления социокультурной субъективности.

Ключевые слова: методология, социально-исторический субъект, история, эволюция, социальный номинализм, социальный реализм, ценность, деятельность, целеполагание.

A. Sokolov

SOCIAL HISTORICAL SUBJECTIVITY: EPISTEMOLOGY OF THEORETICAL REPRESENTATIONS

A definition of the concept «social historical subject» is suggested. On the basis of a historical and philosophical review several problems to be considered are identified: the world view of Christianity which assumes a chronological understanding of a human life which entails the topicalisation of the issue of the subject; the scientific comprehension of reality, a rationalizing picture of the world; a humanistic-methodological aspect. The phenomenal forms of realization of the sociocultural subjectivity are also regarded.

Keywords: methodology, social historical subject, History, evolution, social nominalism, social realism, value, activity, teleologism.

Исследование, претендующее называться «научным», как правило, инициировано стремлением представить тот или иной объем информации в виде систематического знания. Любая систематизация осуществляется благодаря последовательному подчинению единичных

элементов наиболее общим. Очевидно, что наше мышление оперирует только более или менее общими понятиями, неразрывно связанными с элементами эмпирического опыта.

Трудность, с которой регулярно сталкивается познание, состоит в том, что

содержание опыта чрезвычайно изменчиво. Дело не только в его количественных изменениях, но и в характере его приобретения. Поэтому, немного перефразируя Коллингвуда, можно сказать, что философ (ученый) занимается явлениями не как вещами самими по себе, но как вещами, известными философу (ученому). Он интересуется не тем, какой факт имел место в такое-то время, но тем его свойством, которое делает возможным для специалиста его познание» [4, с. 7]. Философию интересует, как объективный факт становится *со-бытием* для мышления; как он включается в систему знания. Схематично это может быть представлено через ряд вопросов: почему именно этот факт обращает на себя внимание; каким именно образом он это делает; как он раскрывает свое содержание?

При различных обстоятельствах разными людьми могут улавливаться несовпадающие стороны бытия. Вследствие этого систематизация опыта, ограниченного определенными параметрами (социокультурными в первую очередь), требует наличия адекватного понятийного или терминологического аппарата. История мысли хранит множество примеров, указывающих на то, как один и тот же объект исследования разными мыслителями истолковывался совершенно по-разному. Причем, это характерно не только для учений, принадлежащих разным эпохам — античности, средневековью, Новому времени... В каждой из них многие мыслители, полемизируют по тем или иным вопросам, приводят аргументы, не заставляющие сомневаться в их состоятельности.

Зачастую выбор в пользу учения Платона или Аристотеля, Ансельма Кентерберийского или Пьера Абеляра, Декарта или Локка становится делом интеллектуального вкуса, оставляя в стороне вопрос о степени глубокомысленности или логической дисциплине исследователя.

Иногда все решает точка зрения, predeterminedная множеством объективных и субъективных факторов и устремляющая мысль по приметам, видимым только так и никак иначе. В какой-то момент интеллектуальные горизонты совпадают, но только с тем, чтобы снова разойтись, примирившись в совместном открытии новой области, в которой так же по-новому, как и по-разному, открывается предметное содержание действительности. В полемике платоников и аристотеликов, номиналистов и реалистов, эмпириков и рационалистов история познания имеет дело не со взаимоуничтожающим противоборством учений, а с противостоянием различных точек зрения, принадлежащих одной интеллектуальной парадигме. Подобно тому, как взгляд человека складывается из двух зрительных перспектив (правого и левого глаза), делающих видение объемным, различные учения раскрывают интеллектуальный горизонт эпохи.

С другой стороны, предвосхищение нового горизонта мысли сопровождается «конструированием» нового поискового инструментария. Рассвет или закат эпохи вернее всего определяется готовностью применить небывалый способ соотнесения и систематизации накопившегося эмпирического материала. Так, мыслители возрождения тщетно пытались модернизировать схоластический аппарат применительно к стремительно расширяющимся границам мира. Потребовалось создание «нового органа» Галилея—Бэкона—Декарта для того, чтобы привести представления о действительности в упорядоченное состояние. В более близкие нам времена открытие элементарных частиц также потребовало радикальной реконструкции физической картины мира.

Очевидно, что новая методология институализируется через радиальную модернизацию понятийно-категориального

аппарата. Причем обновление может включать в себя как создание новых терминов, так и новое понимание уже имеющихся. Философское знание выработало множество понятий, систематизирующих результаты человеческого опыта. Постепенное его увеличение требовало не только введения новых категорий, но и уточнения содержания уже имеющихся. Даже беглого историко-философского анализа достаточно, чтобы увидеть, как сильно менялось содержание ключевых философских дефиниций: материя, движение, пространство, время, мышление, человек.

Выделение естествознания из философии сопровождалось и обнаружением новых точек зрения, созданием новых методологий и обновлением терминологии. Нет ничего удивительного в том, что физика, а не история, первой оформилась в самостоятельную науку. Возрастающий интерес к окружающей действительности, стимулированный секуляризацией западноевропейского христианства и выразившийся в реформировании аристотелевской физики, предопределил экстраполяцию естественнонаучных методов при исследовании духовной сферы бытия.

Произошла, своего рода, методологическая инверсия. Изначально античный антропоморфный логоцентризм задавал финалистскую, телеологическую модель космических процессов. Тем самым было принято соотносить все происходящее в мире с конечными причинами, подобно тому, как это делается при рассмотрении человеческой деятельности. «Схоластическая физика, начиная с XIII, и особенно в XIV веке ищет *действующие* причины там, где Аристотель указывал на причины целевые.... Буридан, пишет историк науки Аннелиза Майер, радикально исключает *causae finales* (целевые причины) и хочет осуществить объяснение природы только с помощью *causae*

efficientes (действующих причин)» [1, с. 49]. В XVI–XVII веках усилиями Кеплера, Коперника, Галилея, Ньютона была окончательно выработана принципиально новая позиция, позволившая открыть неведомые ранее горизонты мироздания. Теперь взор исследователей обратился к начальным причинам, сменив финалистскую доктрину на доктрину детерминизма. Если для Платона и Аристотеля наиболее существенной была социально-этическая реальность как завершение космической иерархии, то для Гоббса, Монтескье и других телесность физической реальности была предпосылкой для реализации духовного мира человека.

Такой поворот фактически привел к новому толкованию сущности человека, культуры, общества. Достаточно вспомнить картезианский механицизм, достигший апофеоза в идее «человека-машины» Ламеттри; «этику» Спинозы, дедуцированную согласно математической методологии. Тогда же Т. Гоббс представил общество по аналогии с взаимодействующими телесными, исчислимыми величинами. Произошедшее во второй половине XVIII века выделение науки о живых организмах в самостоятельную область знания способствовало экстраполяции методов изучения физиологии человека на всю область знания о бытии человека. Правда, и здесь имела место методологическая инверсия. Эволюционизм, как известно, стал результатом естественнонаучного переосмысления эсхатологической концепции христианства. Курьез же заключается в том, что впоследствии стало принятым считать, что история заимствовала у биологии ее органицистское понимание исследуемых феноменов. Это еще больше усугубило естественнонаучные тенденции в гуманитарных дисциплинах. Сегодня вообще следует признать, что эволюционизм выступает скорее противником истории, нежели ее сторонником.

Ведь «навязывая» человеческой истории предварительно заготовленные схемы, он обнаруживает непонимание специфики исторического процесса, разворачивающегося в творческой стихии человеческой свободы.

Исторически обусловленная методологическая зависимость гуманитарных наук от естественных не способствовала выяснению базовых понятий социально-философских дисциплин. Можно констатировать, что в обществознании трудность усугубляется отсутствием универсализма методик, обеспечивающего продуктивность естественным наукам. Противостояние социальных номиналистов и реалистов, берущее начало едва ли не в античности, актуально и сегодня. С одной стороны, марксистские и неомарксистские течения, солидаризирующиеся с ними в этом вопросе структуралисты отстаивают точку зрения, согласно которой понятиям партии, класса, общества и т. д. соответствуют определенные автономные, независимые от людей реальности. С другой стороны, учения либералистского толка от А. Смита до М. Вебера, К. Поппера и Ф. Хайека настаивают на реальности одних индивидуумов, кооперирующихся в те или иные общности, определяемые свободной волей своих членов.

Увлеченность позитивизмом заставляет «новейший социальный номинализм» утверждать физикалистскую модель общества и механистический образ человека. Такой редукционизм ведет не только к нивелировке (до полного уничтожения) человеческого измерения бытия, но и к методологическим казусам. К примеру, признание Вебером только за отдельными индивидами роли исторического субъекта игнорирует проблему происхождения интересов, желаний, идей и т. д. у людей, благодаря которым они входят в историю.

Методологическое «несовершенство» обществознания влечет бесконечное ум-

ножение дисциплин, декларирующих свою эвристическую ценность. В действительности же, как правило, «новые специалисты» добиваются лишь очередного «расщепления» объекта изучения без какой-либо надежды воссоздать его целостность. По-видимому, к целостности, подобно той, что присуща естественным наукам, обществознанию никогда не прийти. Причина — в структурном различии природной и общественной реальностей. Природа предстает взору исследователя как совершенная система сущего, определенная рядом константных параметров. Универсальные законы, открытые наукой, фиксируют картину мироздания в ее незыблемости и регулярности. Многообразие индивидуаций материального мира — всего лишь непрекращающееся умножение того же самого. Поэтому задача естествознания сводится только к соотношению единичных представлений о наблюдаемых явлениях к более или менее общим понятиям в форме определений или законов. Эволюционные модели становления естественного мира — не более чем теоретические, т. е. умозрительные, допущения, логически не противоречащие наблюдаемой действительности. Собственно эволюционизм был подвергнут сокрушительной критике еще в XIX веке. Достаточно вспомнить нашего Н. Я. Данилевского.

Нормативным отличием естествознания предполагается рассчитываемая необходимая регулярность (константность) последовательности явлений. То есть в одних и тех же условиях природные объекты ведут себя всегда однообразно. В принципе, ни для физики, ни для химии, ни даже для биологии не составляет непреодолимой трудности что-то узнать об этих постоянных моделях реагирования и использовать это знание для дальнейших исследований. Классификация естественных природных объектов и при-

сваивание названий тем или иным классам есть результат этого познания. Камень, цветок, планета, животное суть вещи, реагирующие определенным образом.

Как само собой разумеющееся во все времена у всех народов царило предубеждение, что многократно ранее наблюдаемая повторяемость будет также иметь место и в будущем. Другими словами, познание воспроизводящейся регулярности имеет отношение исключительно к событиям прошлого. Так, еще Кант утверждал, что самое большее, чему нас может научить опыт, заключается в следующем высказывании: для того или иного ряда случаев, наблюдавшихся в прошлом, характерна устанавливаемая регулярность. Поэтому категория причинности и была предпослана в кантовской системе как условие познания, а не его результат.

Представление, что явления природы всегда будут протекать согласно многократно проявившейся в прошлом модели, составляет фундаментальный принцип объективизма естествознания. Этот принцип, в свою очередь, извлечен из идеи причинности, благодаря которой оказывается возможным представление всего сущего в упорядоченном виде. Сама же причинность есть не что иное, как универсальная конструктивная способность сознания соотносить между собой явления действительности, противоположаемые самому сознанию. То есть само сознание, как и его модусы, в казуальную зависимость поставлены быть не могут.

Таким образом, в естествознании наблюдатель выносится за скобки реальности. Даже открытый не так давно антропный принцип существенно не повлиял на судьбу наук о природе. Собственно говоря, внеположенность субъекта-наблюдателя сущему задает сингулярную модель мироздания. В такой модели между ее составляющими «как бы присутствует» наблюдатель, природа ко-

торого несоизмерима с природой связываемых им элементов. Именно поэтому австрийский экономист и философ XX века Мизес мог заметить: «К великому сожалению, по крайней мере, до сих пор, человек путался, пытаясь преодолеть пропасть между разумом и материей, наездником и лошастью, каменщиком и камнем» [5, с. 5].

Динамика сущего на социальном уровне бытия мыслится принципиально иначе, так как исследователь находится внутри изучаемого объекта и является сам его частью. Все элементы данного объекта, включая наблюдателя, выстраиваются в *со-бытийный* ряд и предполагают постепенное порождение последующих моментов более ранними. В строгом смысле, процессуальность как последовательность, времяположенность характеризует действительность, порождаемую исключительно человеческой, в первую очередь, познавательной активностью. Кстати, только данная оговорка позволяет рассуждать о естественной эволюции. Ни один ученый никогда не наблюдал эволюционных переходов, а лишь мысленно их конструировал.

В книге «Устройство общества» Э. Гидденс приводит ряд определений эволюции, после чего выдвигает требование установления «предполагаемой концептуальной связи» социальной эволюции с биологической эволюцией. Интересно, что английский социолог особо настаивает на данном постулате «даже в том случае, если понятие “эволюция” зародилось в недрах социальной, а не биологической науки...» [2, с. 324]. Но даже то, что биоэволюционизм позволяет избегать «телеологических идей и представлений», не устраняет его умозрительности, не находящей подтверждения в реальности. Поэтому можно утверждать, что органическая картина материального мира остается для науки недостижимым идеалом. Динамика же этого

мира — суть внешние взаимодействия наподобие лейбницевских монад, гармонично сосуществующих, но друг друга не определяющих и не порождающих.

Социальное развитие самоочевидно. Его можно представлять линейно, эсхатологически-перспективно, как мыслили Гегель и Маркс; можно — циклически, по примеру Данилевского, Шпенглера, Тойнби. Несмотря на принципиальные методологические различия, каждый из подходов априорно предполагает фактор развития форм общества или культуры, своеобразную метаморфозу. Идет ли речь о всемирно-историческом процессе или о жизни культурно-исторического типа, общим и существенным как в первом, так и во втором случае является то, что мысль открывает некий принцип, актуализированный деятельностью людей.

В силу вовлеченности исследователя в исторический процесс через непосредственное переживание событий или через погружение в стихию документальных артефактов динамика социальных изменений воспроизводится как органический переход наличной формы из одной фазы в другую. Любой факт в жизни людей имеет натуральный (физический, химический, биологический) субстрат. Однако исторический статус ему придает только духовное наполнение, которое выступает в качестве психоэмоциональных, интеллектуальных экзистенций. Значит, исследователь не фрагментирует действительность, произвольно противопоставляя вырванный из нее элемент сознанию, как в естественных науках, а стягивает в едином *со-бытийном* ряду множество частных явлений. Надо подчеркнуть еще раз, что в науках о духе явления становятся фактами только в контексте экзистенциальной интерпретации.

Кроме того, прав Э. Гидденс, указывая на связь социального эволюционизма с функционализмом. «Эта связь, — пишет он, — становится очевидной благодаря

соотнесению с органическим миром. Растение или организм заключает в себе траекторию развития, “развертку” скрытых возможностей. Изменение понимается здесь как нечто управляемое механизмами этой развертки, а общества рассматриваются как четко ограниченные союзы. Внешние условия служат для усиления или сдерживания процессов развития, фактически являясь фоном, на котором функционируют механизмы изменений» [2, с. 320]. Однако функционализм опять-таки структурно подразумевает наличие активного субъекта.

Из всего сказанного можно сделать, по крайней мере, два вывода. Первый: важнейшей методологической проблемой гуманитарного, социального познания является проблема субъекта деятельности. Второй: любая человеческая деятельность (в том числе социальная) не может быть описана через систему казуальных зависимостей, и, следовательно, ее проявления не могут характеризоваться исключительно констатацией в них тех или иных регулярностей. Само собой разумеется, что то, что гуманитарному знанию не удалось открыть детерминированные модели поведения людей, не является его недостатком. Невозможно найти того, что не существует. Но тому, что существует особым образом, всегда предшествует более общая определенность, а детерминация не является единственным принципом упорядочивания единичных фактов. В сфере духа его заменяет принцип целеполагания. Так же как мир природы складывается в соответствии с «шаблонами регулярности», мир человека систематизируется через иерархическую последовательность целей.

В этой иерархической последовательности доминируют конечные цели, составляющие идейный горизонт мира. С ними не только соотнобразуется любой человеческий поступок. Они вообще определяют степень существенности всего

происходящего. Конечным целям подчинены цели, служащие средствами для их достижения. Понятно, что конечные цели не подвержены никакому критическому рассмотрению. Динамика человеческого мира полностью зависима от характера конечных целей и степени подчиненности им прочих временных целей. Ситуации, когда люди ставят под сомнение цель и подвергают ее критическому рассмотрению, свидетельствуют об изменении мировоззренческого горизонта. Тогда конечная, доминирующая цель превращается в средство достижения цели другого (более высокого или низкого) уровня.

Понятно, что вопрос о целеполагании неотрывен от вопроса о субъекте общественной жизни. Перефразируя тезис Вл. Соловьева (процесс предполагает субъекта этого процесса), можно сказать, что целевая причина предполагает субъекта, ее полагающего и к ней стремящегося. Далее, очевидно, что вопрос о субъекте обойти невозможно. Тем более его нельзя обойти, что проблема субъекта исторического ли процесса, социального ли прогресса или субъекта просто общественных отношений на протяжении последних двух столетий остается одним из самых дискуссионных.

Начиная с Декарта, субъект, понимаемый как активная субстанция в бытии, строго увязывается с представлениями о человеке. И, значит, решения вопроса о сущности социокультурной динамики напрямую зависят от решения вопроса о сущности человека.

Ю. И. Семенов, посвятивший проблемам социальной философии много лет, в одной из последних работ сделал энциклопедический обзор материала, имеющего отношение к проблеме «исторического субъекта». Примечательно же в нем отсутствие даже попытки классифицировать весь этот массив знаний. Данное обстоятельство вряд ли случайно. Можно

бесконечно пересказывать и критиковать ход рассуждений Вико, Гердера, Смита, Канта, Карамзина, Конта, Маркса, Спенсера, Ключевского, Гумпловича, Вебера, Мизеса и многих других. Можно занимать позицию крайнего номинализма или реализма, можно обновлять терминологию и даже выработать какую-нибудь оригинальную теорию, можно сетовать на ее непонимание другими, но при этом оставаться в диапазоне полемики противоборства, утратив представление о подлинной цели своего пути.

Полемика полезна в пределах, строго ограниченных общепринятыми аксиомами. Например, к таковым относится «*согито*» Картезия. Гоббс, Локк и другие только потому могли конструктивно оспаривать природу мышления, что, безусловно, признавали его первенство в общем порядке сущего. Выражаясь словами Куна, должна родиться «нормальная наука», чтобы знание могло систематически преумножаться. По-видимому, отсутствие такой «нормальной науки» о духе порождает непримиримые противоборства в сфере социальной философии и обществознания в целом.

Проблема осложняется тем, что трудности, казалось бы, исключительно методологического плана усугубляются мировоззренческими, концептуальными особенностями. Еще марксизмом был введен принцип партийности в философии, утвердивший тезис о том, что там, где нет ценностной точки отсчета, ориентирующей мысль на исторически значимые явления, понятие исторической действительности не может иметь положительного содержания. Позднее этот принцип был развит в неокантианстве, убеждавшем, что лишь на основе обнаруживающихся в культуре ценностей становится возможным образовать понятие доступной изображению исторической индивидуальности. «Из необозримой массы индивидуальных, т. е. разно-

родных, объектов историк останавливает свое внимание сначала только на тех, которые в своей индивидуальной особенности сами воплощают в себе культурные ценности...», — писал Генрих Риккерт [7, с. 91].

Данное обстоятельство не только еще раз объясняет многообразие непримиримых точек зрения на проблему субъекта в общественных науках, но и задает вектор понимания активности субъекта. Ведь ценностные ориентиры иницируют деятельность субъекта, причем как ее направленность, так и ее характер. То, что происходит в истории, не может быть обнаружено и представлено безотносительно к разнообразным оценкам действующих индивидов и их союзов. Не что иное, как установление содержания ценностных представлений действующих индивидов, является одной из задач специфического метода понимания социальных наук.

Кроме того, аксиологический момент обуславливает появление того или иного рода действующего субъекта. Во-первых, система ценностей может охватывать большее или меньшее количество людей: военный отряд (испанские конкистадоры), политическая партия, класс или нация. Это — так называемое экстенсивное проявление ценностного содержания общественной жизни. Во-вторых, ценностные стимулы могут проявляться с разной степенью экспрессии. Одни из них порождают краткосрочные, стремительные, бурные события (любая из русских революций); другие — длительные, вялотекущие (петровские реформы).

Кстати, аксиологическая точка зрения раскрывает еще один чрезвычайно важный аспект проблемы. Его суть может быть выражена как тенденция к нерелексируемой мировоззренческой трансформации понятий. Такая трансформация случается при попытках заимствования форм организации жизнедеятельно-

сти одной культурой у другой и механического отождествления смыслов явлений схожих, но существенно различающихся. Так, еще О. Шпенглер показал, насколько разнятся представления англичан, немцев, французов, испанцев о сути и предназначении наций, классов, партий, государств. Так, в Англии «партии представляют собой крепко сплоченные, очень старые союзы, которые занимаются ведением политических дел общества, именуемого английским народом». Во Франции партии — это клубы и личные группы, подменяющие «планомерную тактику» англичан хитроумной интригой. Немецкая партия — это отряд, сплоченный почти солдатской дисциплиной, готовый терпеть лишения «не ради увеличения заработка, но ради власти, ради своего мировоззрения». [10, с. 18, 25].

При видимой схожести характера деятельности одноименных образований налицо разница, сказывающаяся на всем укладе общественной жизни. Шпенглер писал: «В Англии обе партии были неограниченными руководителями политики. В Германии же существовали государство и партии, выступавшие только с критикой против него.... Английская оппозиция есть необходимая составная часть правительства; дополняя, она помогает в работе. Наша оппозиция — действительное отрицание не только противоположной партии, но и самого правительства» [10, с. 24].

Можно ли относить суррогатные образования к субъектам социального, тем более, исторического процесса? В какой степени их деятельность самостоятельна, сознательна, ценностно-ориентирована? Правомерно ли вообще рассматривать тех или иных индивидов, те или иные общественные образования в качестве субъектов социального процесса, если их действия мотивированы не их собственными интересами, а установками, даваемыми извне? Причем, неважно, каким

образом эта установка осуществляется: в виде идеологического давления, психоэмоционального подчинения финансового контроля или в каком-либо другом виде. Очевидно, что в такой ситуации вообще трудно выявить источник настоящей активности

Ценностно-целевой вектор задает набор средств, с помощью которых реализуется субъект деятельности, что также влияет на ход социально-исторических процессов. Ведь в то время, как ценностные ориентиры являются перспективными, то есть не обязательно осуществляемыми и окончательными, то есть неизменяемыми на всем протяжении активности субъекта, средства представляют собой, по существу, следствия, постоянно требующие корректировки, замены, в зависимости от обстоятельств и необходимости решения локальных задач или производить определенные эффекты. И хотя выбор средств является, по сути, техническим моментом, зачастую он может приводить к смене ценностно-целевых ориентиров, не говоря уже о случаях, когда цель подменяется средством. Такое зачастую происходит произвольно. Ведь по словам Мизеса, «как только люди решают поставить под сомнение цель и подвергнуть ее исследованию, они больше не рассматривают ее как цель, а трактуют ее как средство достижения цели более высокого порядка. Конечная цель не подлежит какому бы то ни было рациональному исследованию. Все остальные цели временны. Они оказываются средствами, как только сравниваются с другими целями или средствами» [5, с. 3].

Подобное историческое «происшествие» переводит социально-историческую ситуацию в новое качество, которое требует нового качества субъекта вплоть до полной его смены. Взять, к примеру, французскую революцию. В ее начале мы видим высшую аристократию, желаю-

щую минимизировать монархический абсолютизм (Мирабо). На следующем этапе доминируют разночинцы (Дантон, Робеспьер), вовлекшие французов в стихию революционного террора. Наконец, — военная диктатура Наполеона, пресекающая революционный произвол, но по-своему осуществившая первичный замысел революционного движения. Таким образом, можно предположить, что конечные цели революционных преобразований были не вполне определенными, что ставило их в зависимость от случайности обстоятельств; это, в свою очередь, предопределяло смену не только политических лидеров, но и активное участие тех или иных слоев общества — крестьянства, городской буржуазии, армии.

Исследования многих историков французской революции указывают на отсутствие единой линии ее протекания. Основанием для таких утверждений является, во-первых, невозможность выделить гегемона этой революции, а, во-вторых, отсутствие очевидных, отчетливых целей. Так, к примеру, современный историк и философ Э. Хобсбаум пишет: «Французская революция не была совершена какой-либо сформировавшейся партией или движением в современном понимании этого слова, людьми, старавшимися осуществить какую-либо последовательную программу. Едва ли она выдвинула лидеров, таких, какие возглавляли революции XX в.» [9, с. 109].

Попытки локализовать или «зафиксировать» субъектов исторических свершений служат причиной непрекращающихся споров о роли личности в истории, о роли общественных организаций или целых общностей, в пределе актуализируя уже упомянутое противоборство номиналистских и реалистских тенденций. Между тем и те и другие предпочтения, как правило, произвольны, а потому очень сомнительны. Номиналистский принцип, опирающийся на психи-

ческую природу индивида, не в состоянии объяснить природу консолидации даже нескольких человек. Объяснения случайным стечением обстоятельств или примитивным подчинением воли одного воле другого или других индивидов нельзя признать удовлетворительным.

С другой стороны, что понимать под общей волей или общим интересом? Каков механизм формирования общей цели? Только прагматическая цель может быть объяснена рассудочно, т. е. соотнесена с конечной определенностью предметного мира. Предельная цель — дело души и воли. По какому критерию идентифицировать ту или иную общность? Понятно, что количественные факторы здесь не приемлемы. Небольшим отрядам испанских конкистадоров противостояла целая цивилизация, а современный парламентаризм судьбы государств зачастую решает консенсус партийных или клановых лидеров [10, с. 19].

Нельзя не сказать также о способности субъекта сознательно «мимикрировать», не только претерпевая воздействие тех или иных внешних факторов, но и, следуя теоретическим рекомендациям психологии, политологии, — других гуманитарных дисциплин. Начиная с Макиавелли, созерцательность обществознания постепенно приобретает черты технологического дискурса. Причем, интегрированность обществознания в предмет своего изучения ведет к трансформациям этого предмета во всех его проявлениях. Так, оценивая результаты исследований Квентина Скиннера, Гидденс пишет: «Доказав, что гражданское население современного государства знает о том, что есть государство и как оно функционирует, Скиннер помогает понять, насколько специфична эта форма государственного устройства и как она взаимосвязана с изменениями дискурса, становящимися частью обыденных социальных практик» [2, с. 466].

Но ведь это означает, что вместе с государственным устройством меняется общество и каждый его представитель. В зависимости от интенсивности участия в общественной жизни, степени включенности индивида, партии или общности в контексты социального дискурса каждый из них, как правило, себя корректирует или даже целенаправленно конструирует.

Интересное замечание сделал несколько лет назад А. С. Панарин. Рассуждая об отношении политического и социального субъектов, в одной из бесед он сказал следующее: «Не всегда социальному субъекту дано быть политическим субъектом. Он то выпадает из политики, то снова приходит в политику, включается в политический процесс. И в этом смысле одно дело — время существования социального субъекта — это могут быть столетия. И совсем другое — политический субъект. Один и тот же социальный субъект может существовать в стадии политически бессознательного, т. е. выпадать «в объект», лишенный политического волеия в форме лобби, политического проекта, программы и т. п. И в этом смысле он отсутствует как политический субъект. И вдруг под влиянием каких-то тектонических процессов этот же социальный субъект, дремавший чуть ли не сто лет, вдруг заявляет о себе, выходит на сцену, путает карты властям» [8].

Отсюда следует еще одна неопределенность, возникающая при осмыслении проблемы идентификации характера деятельности, которая присуща субъекту истории. К исторической деятельности относят не только политические или военные ее проявления, но также деятельности в сфере науки, искусства, религии. Виды мотиваций в каждом случае — самые разнообразные, часто непредвиденные и непредсказуемые. Поступки или действия, приводящие к историческим сдвигам, порой не могут быть строго квалифицированы как исторические.

Скажем, влияние на действительность литератора, музыканта или философа совсем не так очевидно, как влияние политика или ученого, но при этом не менее значимо. Кем был Аристотель для Александра? Кем он был для греков? Кем он стал для потомков? Можно, конечно, говорить, что Аристотель-философ «не противоречит» Аристотелю-воспитателю или Аристотелю-методологу. Но в tomto и дело, что, явленный в нескольких ипостасях, Аристотель в принципе не может быть дифференцирован на основании искусственного различения родов его занятий. Это равно относится ко многим личностям мирового масштаба.

Разносторонность воздействия на окружение (временное и пространственное) общественных объединений также не вызывает сомнений. Романтизм в Европе XVIII–XIX веков, литературное движение в России XIX века, складывающееся вокруг нескольких журналов, выходили далеко за рамки эстетического круга влияния. Вот, к примеру, что писал о месте романтизма в западной культуре Бертран Рассел: «С конца восемнадцатого века до настоящего времени и искусство, и литература, и философия, и даже политика испытывали влияние, положительное или отрицательное, мироощущения, которое характеризовало то, что в широком смысле может быть названо движением романтизма. Движение романтизма вначале не было связано с философией, хотя вскоре оно и оказалось связанным с ней. С политикой, через Руссо, оно было связано с самого начала» [6, с. 796]. Далее английский философ делает уточнение, которое имеет прямое отношение к теме исследования. Описывая вхождение романтизма в сферу политики, Рассел пишет, что романтики «пришли к политике постепенно, через национализм: считалось, что каждая нация имеет общую душу, которая не могла быть свободна до тех пор, пока

границы государств отличались от границ наций. В первой половине девятнадцатого века национализм был наиболее энергичным, революционным принципом, и большинство романтиков страстно поддерживали его» [6, с. 799].

Роли литературы в общественной и политической жизни России посвящено много исследований, публикаций. Достаточно вспомнить знаменитое эссе Бердяева «Духи русской революции». В «Истории всемирной литературы» приводится следующий тезис: «С 1856 г. Россия переживает новый период — период напряженной борьбы классов, подъема передовых общественных настроений, что в 1859–1861 гг. приводит к возникновению в стране революционной ситуации. Это время издания «Колокола» (1857–1867) Герцена, время апогея литературно-журнальной и революционной деятельности русских революционеров-демократов и материалистов-просветителей 60-х годов Чернышевского и Добролюбова, литературной трибуной которых становится журнал «Современник», издававшийся Некрасовым» [3, с. 318].

Правда, имеется точка зрения, обозначенная, в частности, Шпенглером, который считал, что «в истории искусств не следует переоценивать значение Грневальда или Моцарта. В действительности история века Карла V и Людовика XV вовсе не думает о них. Может оказаться так, что большое историческое событие вызывает художника. Обратного никогда не случалось» [11, с. 135]. Убеждающий афоризм. Но, думается, что его содержание отчасти принесено в жертву форме. Немецкий философ здесь сам же отошел от избранного им методологического императива рассматривать социокультурный порядок не в горизонте пространственного, причинно-следственного взаимодействия, а в перспективе хронологического следования. Здесь речь должна идти не о строгом определении

внешних воздействий, а о понимании длительно переживаемых смыслов. Кстати, сам Шпенглер несколькими строками ниже признал, что «не хотел бы жить без Гете, без Шекспира, без древних архитектур», что Бах и Моцарт для него «превыше всего» [11, с. 136].

Все вышесказанное удостоверяет мысль в том, что эпистемологическое содержание понятия «социально-исторической субъективности» включает в себя целый ряд смысловых пластов. Первый из них представляет собой мировоззренческую установку христианства, которая предполагает процессуально-хронологический характер понимания человеческого бытия, что влечет за собой оформление тематизации субъекта. Второй пласт составляет собственно научное осмысление действительности, рационализирующее представление о мире. Третью составляющую в этой модели можно обозначить как собственно гуманитарно-

методологическую. Она охватывает элементы, фиксирующие специфику понимания субъективности в перспективе исторической динамики. Наконец, не могут быть оставлены без внимания сугубо феноменальные формы осуществления социокультурной субъективности.

Определение содержания понятия «социально-исторический субъект», по видимому, будет сохранять свою актуальность до тех пор, пока существует историческая наука. По сути, всякая фундаментальная проблема порождает своеобразный мир, состоящий из множества понятий, находящихся в напряженном противостоянии друг другу. Невозможно ухватить ни одно из них без того, чтобы не оказаться в поле притяжения другого. При этом необходимо удерживать дистанцию с каждым из них, иначе собственное понимание будет «разорвано» силовыми полями идеальных объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайденок П. П.* Христианство и генезис новоевропейского естествознания // *Философско-религиозные истоки науки.* М., 1997. С. 44–97.
2. *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
3. История всемирной литературы: В 9 т. 1991. Т. 7/1. Литературный процесс в России [во второй половине XIX в.] Русская литература. Введение. 832 с.
4. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. М., 1980. 421 с.
5. *Мизес Р. Э.* Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции М., 2001. 295 с.
6. *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск, 2001. 962 с.
7. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. 413 с.
8. Социальный субъект и альтернативы открытой истории // Беседа с А. С. Панариным // <http://sergeikorolev.sitcity.ru>
9. *Хобсбаум Э.* Век революций. Ростов-н/Д, 1999. 475 с.
10. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм // *Пруссачество и социализм.* Пг., 1922. 223 с.
11. *Шпенглер О.* Пессимизм ли это? // *Пруссачество и социализм.* Пг., 1922. 223 с.